

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРОВЕРКИ ПРОКУРАТУРЫ: ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВАКУУМА

Ярмухамедов Р.Ф.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Ярмухамедов Р.Ф. Правовая природа антикоррупционной проверки прокуратуры: гибридная модель в условиях процессуального вакуума. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(1):82–89. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-82-89>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ярмухамедов Ринат Фаридович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yar_rf@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026

Статья принята к печати: 12.02.2026

Дата публикации: 30.03.2026

Аннотация: В статье исследуется правовая природа антикоррупционной проверки как особой формы деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Автор, опираясь на системный анализ законодательства, доказывает, что антикоррупционная проверка представляет собой гибридную (смешанную) модель. Ее формальной основой является административно-надзорная деятельность, однако содержательно она инкорпорирует ключевые элементы оперативно-розыскной и следственной работы: персонифицированный предмет, методы принудительного сбора информации, ориентацию на изобличение. Подобная гибридизация реализуется в условиях недостатка правового регулирования (процессуального вакуума) – вне отраслевых процессуальных режимов. Это приводит к дисбалансу между эффективностью контроля и гарантиями прав проверяемых лиц, в частности, к обходу конституционного требования судебного санкционирования для доступа к банковской и иной охраняемой законом тайне. В статье сформулирована дилемма дальнейшего развития данного института: его формализация с предоставлением базовых процессуальных гарантий или консервация в качестве эффективной, но потенциально произвольной «правовой аномалии».

Цель исследования – комплексный анализ правовой природы антикоррупционной проверки прокуратуры как гибридной формы государственной деятельности, выявление и устранение системного противоречия между ее административно-надзорной формой и содержательным наполнением.

Задачи исследования – провести анализ нормативно-правовой основы антикоррупционной проверки; выявить признаки, сближающие ее с оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью; обосновать наличие процессуальных пробелов и связанных с ним коллизий; определить перспективные направления совершенствования законодательства в данной сфере.

Методы исследования: диалектический, общенаучные методы (логический, системный, структурный, функциональный, обобщение), специальные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, правового моделирования).

Результаты проведенного исследования – обосновано, что антикоррупционная проверка прокуратуры эволюционировала в самостоятельное направление прокурорского надзора –

антикоррупционный надзор. Его гибридный характер, сочетающий административные и розыскные элементы в условиях внепроцессуального режима, создает объективные правовые коллизии. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления особого статуса данного института, в том числе посредством внесения изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» для четкого разграничения компетенции и методов работы.

Ключевые слова: прокурорский надзор, антикоррупционная проверка, противодействие коррупции, процессуальные гарантии, гибридные формы контроля, банковская тайна, оперативно-розыскная деятельность.

LEGAL NATURE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE ANTI-CORRUPTION INSPECTION: A HYBRID MODEL IN THE CONTEXT OF A PROCEDURAL VACUUM

Rinat F. Yarmukhamedov

FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Yarmukhamedov R.F. Legal nature of the prosecutor's office anti-corruption inspection: a hybrid model in the context of a procedural vacuum. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(1):82–89. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-1-82-89>

CONTACT INFORMATION:

Rinat F. Yarmukhamedov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yar_rf@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 14.01.2026

The article has been accepted for publication: 12.02.2026

Date of publication: 30.03.2026

Annotation: The article examines the legal nature of the anti-corruption inspection as a special form of activity of the prosecutor's office of the Russian Federation. Based on a systematic analysis of legislation, the author argues that the anti-corruption inspection is a hybrid (mixed) model. Its formal basis is administrative and supervisory activity; however, it incorporates key elements of operational investigative and pre-investigation work: a personalized subject, methods of coercive information gathering, and an incriminatory focus. This hybridization operates in the context of a «procedural vacuum» – outside the sectoral procedural regimes. This leads to a systemic imbalance between the effectiveness of control and the guarantees of the rights of the persons being inspected, in particular, to the circumvention of the constitutional requirement for judicial authorization to access banking and other secrets protected by law. In conclusion, the author formulates a dilemma for the further development of this institution: its formalization with the provision of basic procedural guarantees or its preservation as an effective but potentially arbitrary «legal anomaly».

Purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal nature of the prosecutor's office anti-corruption inspection as a hybrid form of state activity, identifying the systemic contradiction between its administrative-supervisory form and its substantive content.

Objectives of the study are to analyze the regulatory framework of the anti-corruption inspection; to identify features that bring it closer to operational investigative and criminal procedural activities; to substantiate the existence of a «procedural vacuum» and related conflicts; to identify promising areas for improving legislation in this area.

Research *methods*. Dialectical, general scientific methods (logical, systemic, structural, functional, generalization), special methods (comparative legal, formal legal, legal modeling).

Research *results*. It is substantiated that the prosecutor's office anti-corruption inspection has evolved into an independent branch of prosecutorial supervision – anti-corruption supervision. Its hybrid nature, combining administrative and investigative elements within a non-procedural regime, creates objective legal conflicts. The conclusion is made about the need for legislative consolidation of the special status of this institution, including through amendments to the Federal Law «On Operational Investigative Activities» for a clear delineation of competence and working methods.

Keywords: prosecutorial supervision, anti-corruption inspection, combating corruption, procedural guarantees, hybrid forms of control, bank secrecy, operational investigative activity.

Введение

Институт антикоррупционной проверки, закрепленный в ст. 8.1 Федерального закона 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ и детализированный в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² (далее – Закон № 273-ФЗ), стал одним из ключевых инструментов в арсенале прокуратуры. Его предназначение – обеспечение контроля за соблюдением запретов и ограничений лицами, замещающими государственные и муниципальные должности. Однако стремительное расширение полномочий прокурора, в особенности права на внесудебное истребование сведений, составляющих банковскую тайну, породило в научной доктрине и правоприменительной практике острые дискуссии о правовых пределах такого вмешательства.

На особенности проведения антикоррупционных проверок и организации надзора за исполнением антикоррупционного законодательства обращали внимание в научных работах Ю.А. Винокуров³, И.Ю. Мурашкин [7], А.Д. Ильяков [4], Ф.Г. Шахкелдов [10], И.И. Бикеев [1], С.Г. Бывальцева [2] др. А.Н. Митин с соавторами анализирует термины «правовой механизм», «правовые средства», применяемые органами прокуратуры в системе противодействию коррупции [6, с. 71–72].

Правильное понимание роли и значения, а также содержания предмета деятельности позволяет наиболее эффективным образом организовать деятельность органов прокуратуры вообще, а также деятельность прокуроров в том или ином направлении [5, с. 209].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовой природы антикоррупционной проверки. Полагаем возможным выдвинуть и обосновать тезис о том, что данная проверка не является классической формой общего надзора, а представляет собой специфическую гибридную модель, сочетающую административно-надзорную форму с розыскным содержанием. Эта гибридность, будучи эффективной для выявления латентных правонарушений, создает «процессуальный вакуум», порождающий коллизию между публичным интересом в искоренении коррупции и конституционными гарантиями прав личности.

Методы исследования

Методология исследования сочетает различные подходы. Диалектический метод позволил выявить противоречие между административно-надзорной формой антикоррупционной проверки и ее содержательным наполнением, а также между потребностью в эффективном противодействии коррупции и необходимостью соблюдения прав личности. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления процедуры антикоррупционной проверки с уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД). Системный и структурный методы позволили рассмотреть проверку как элемент системы прокурорского надзора и выявить взаимосвязи ее элементов. Метод правового моделирования использован для определения возможных путей развития исследуемого института (формализация либо консервация). Эмпирическую основу исследования составил анализ приказов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующих порядок проведения проверок и материалов прокурорской практики, обобщенных автором.

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

³ Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров; под общ. ред. А.Ю. Винокурова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 400 с.

Результаты исследования

Анализ нормативной базы и правоприменительной практики позволяет утверждать, что антикоррупционная проверка прокуратуры не укладывается в классические рамки надзора за исполнением законов. Выявлен ряд существенных характеристик, позволяющих квалифицировать ее как самостоятельное направление прокурорской деятельности – антикоррупционный надзор. Сформулированы критерии развития данного направления прокурорского надзора в условиях необходимости совершенствования правового регулирования антикоррупционных полномочий органов прокуратуры и действующего законодательства.

Научная дискуссия

Прокурорская проверка – основное средство выявления нарушений. Как отмечает Т.Ф. Фомина, одна из проблем правового регулирования прокурорского надзора в области противодействия коррупции заключается в неоднозначном определении самого понятия прокурорской проверки и отсутствии единообразного порядка ее проведения, что порождает противоречивую судебную практику и ставит под сомнение доказательственную силу ее результатов [9, с. 260].

Методика и тактика прокурорской проверки в определенной степени определяют пределы собственного усмотрения прокурора, осуществляющего надзорную функцию прокуратуры. И наоборот, собственное усмотрение прокурора оказывает прямое влияние на формирование методики и тактики прокурорской проверки. В этом скрыта важная проблема пределов прокурорского усмотрения при реализации стоящих перед прокурором профессиональных задач и используемых при этом полномочий [8, с. 30].

На формально-правовом уровне антикоррупционная проверка обладает всеми атрибутами прокурорского надзора. Ее основанием служит не столько конкретное обращение или сообщение о преступлении, сколько плановая или внеплановая деятельность прокуратуры в рамках установленной законом компетенции. Предметом является соблюдение специальных антикоррупционных норм (запреты, ограничения, обязанность предоставления сведений о доходах). Результатом выступают традиционные акты прокурорского реагирования – представления, предостережения, а также направление материалов в следственные органы. В отдельных случаях специальным актом реагирования может служить требование об устранении коррупциогенных факторов в нормативно-правовом акте¹. Таким образом, в своей внешней процессуальной форме проверка укладывается в парадигму надзора за исполнением федерального законодательства.

Между тем, надзор за исполнением законов о противодействии коррупции обладает своей спецификой, обусловленной в первую очередь инициативными действиями прокурорских работников. Обращения граждан о нарушении коррупционного законодательства должностными лицами в общей структуре жалоб незначительны. По этой причине высокая латентность коррупционных правонарушений требует применения специальным методов проведения прокурорской проверки, вследствие чего деятельность прокурорских работников в указанной сфере приобретает свойства добычи и проверки информации в отношении субъекта антикоррупционного законодательства.

Так, согласно Приказу Генпрокуратуры России от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции»², прокурорские работники ориентированы на получение значимой информации путем взаимодействия с общественными объединениями, иными институтами гражданского общества, средствами массовой информации, субъектами предпринимательской деятельности. Предписано инициативно проверять исполнение законодательства о противодействии коррупции в поднадзорных федеральных органах исполнительной власти, законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, органах военного управления, органах контроля, а также органами управления и руководителями

¹ См.: ч. 3 ст. 4 Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; п. п. 2 и 3 ст. 9.1 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: Приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 (ред. от 17.11.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

коммерческих и некоммерческих организаций, служащими (работниками), на которых в соответствии с требованиями законов распространяются ограничения и запреты.

Анализ практики проведения антикоррупционных проверок, в частности соответствия расходов, выявляет иную, глубинную сущность данной деятельности, сближающую ее с оперативно-разыскной и следственной работой. Сущностной характеристикой антикоррупционной проверки становятся содержательные элементы розыска.

В отличие от общего надзора, объектом здесь является не организация или состояние законности в интересующей сфере, а «конкретное физическое лицо» (госслужащий, члены его семьи). Цель – не выявить формальное нарушение, а составить его «коррупционный профиль», обнаружив латентное несоответствие между декларируемыми доходами и реальным имущественным положением. Это характерно для стадии проверки сообщения о преступлении или оперативной разработки. При проведении проверки исполнения антикоррупционного законодательства персонифицированный предмет проверки заключается в анализе информации в отношении государственного служащего или иного конкретного лица, на которого в силу закона распространяются антикоррупционные запреты и ограничения.

Например, в соответствии со ст. 8.2. Закона № 273-ФЗ генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры не позднее 10 рабочих дней со дня получения материалов для контроля за законностью получения денежных средств, принимают решение об осуществлении проверки, отдельно в отношении каждого проверяемого лица. Решение оформляется в письменной форме.

Такая формализация административно-принудительной процедуры необходима для определения процессуальных сроков прокурорской проверки, наделения прокурора статусом, предполагающим применение специальных средств проверки. При этом прокурор не просто вправе, а обязан:

- 1) истребовать у проверяемого лица сведения, подтверждающие законность получения денежных средств;
- 2) изучать дополнительные материалы, представленные проверяемым лицом;
- 3) провести беседу с проверяемым лицом в случае поступления ходатайства.

Таким образом законодатель закладывает формализованные контуры процессуальных полномочий прокурора, схожих с методами сбора, проверки и оценки доказательств в судопроизводстве.

В подтверждение вывода о специфике коррупционной проверки органов прокуратуры свидетельствуют методы принудительного сбора информации. При этом нельзя согласиться с некоторыми авторами, считающими, что в контуре проверки доходов и расходов прокуроры лишены самостоятельно осуществлять подобного рода проверки и выступают лишь в качестве связующего звена между государственными (муниципальными) органами и судом [3, с. 294]. Напротив, прокурор использует властные полномочия, аналогичные самым инвазивным следственным действиям, но без процессуальных рамок Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Внесудебное истребование банковской тайны – наиболее яркий пример. Это прямое вторжение в сферу частной жизни (ст. 23 Конституции РФ¹), которое в уголовном процессе (ст. 183 УПК РФ²) требует судебного решения. Опрос (беседа) с проверяемым проводится под угрозой привлечения к административной ответственности за дачу заведомо ложных пояснений (ст. 17.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³), что психологически и юридически сближает его с допросом.

Тактико-аналитический характер прокурорской проверки формирует ее цель-ориентир. Как правило, последовательность действий (анализ декларации – запросы в банки – опросы – построение финансовых схем) представляет собой аналитико-поисковую работу, направленную на доказывание факта правонарушения. Фактической целью является не просто устранение нарушения, а сбор

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием (с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года): принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

достаточной информации для передачи материалов в Следственный комитет Российской Федерации для возбуждения уголовного дела или для предъявления антикоррупционного иска об обращении имущества в доход государства. Таким образом, проверка выполняет функцию «шлюза» в уголовное или гражданское судопроизводство, а материалы прокурорской проверки приобретают силу доказательств для соответствующего судопроизводства.

На этом этапе и могут возникнуть сложности правовых последствий гибридной модели прокурорской проверки: «процессуальный вакуум» и дисбаланс гарантий.

Целью прокурорской проверки в рамках классических отраслей надзора является устранение нарушений закона, правовосстановительная функция, направленная на обеспечение единства правового пространства и исполнение требований правовых актов всеми субъектами правоотношений. Об этом свидетельствует содержание требований и механизмов восстановления правового режима. Так по результатам представления об устранении нарушений закона проверяемый субъект самостоятельно принимает меры в течение 30 суток для устранения нарушений закона, в рамках протеста оспариваемый нормативно-правовой акт изменяется или отменяется органом, рассматривающим акт реагирования. Между тем, ряд механизмов антикоррупционной проверки имеет дополнительную цель, направленную не столько на устранение нарушений должностным лицом, сколько функцию инициирования механизмов ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной, деликтной). Ход прокурорской проверки характеризуется применением практически неограниченного спектра мер административно-правового принуждения к государственному служащему, в том числе как самостоятельный опрос, истребование сведений и документов, так и инициированием дополнительных механизмов негласного получения информации в рамках ОРД (ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон «Об ОРД»)).

При наличии запроса, направленного в соответствии с Законом № 273-ФЗ, другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции, органы дознания проводят оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в целях добывания информации о достоверности и полноте сведений, представляемых лицами, замещающими должности, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок проверки достоверности сведений.

На практике основанием проведения таких ОРМ служит информация, поручение или иной документ органов прокуратуры, запускающий механизм негласного получения информации в сфере исполнения антикоррупционного законодательства в порядке ст. 7 Закона «Об ОРД». Следует отметить, что в действующем законодательстве не определен спектр возможных оперативных мероприятий, проведение которых допускается в случае коррупционной проверки.

Так, действующая формулировка ст. 7 Закона «Об ОРД» о возможности проведения ОРМ для целей антикоррупционного законодательства лишь порождает дополнительные вопросы. В ст. 8 Закона «Об ОРД» при проведении ОРМ по основаниям, предусмотренным п. 1–4, 6, 6.1 и 7 ч. 2 ст. 7 Закона «Об ОРД», запрещается осуществление действий, указанных в п. 8–11 ч. 1 ст. 6 Закона «Об ОРД». В то же время, проведение ОРМ (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи) для целей противодействия коррупции в данной норме не ограничены. Возникает существенная коллизия норм, при которой для целей уголовного судопроизводства применяются более суровые ограничения по видам ОРМ, нежели к процедуре, инициированной органами прокуратуры по вопросам противодействия коррупции, что прямо не связано с проверкой информации о возможном преступлении.

Существуют отдельные законодательные пробелы предоставления указанных ОРМ в органы прокуратуры, что требует отдельной дискуссии. Дополнительно отметим лишь то, что Инструкция²,

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

определяя порядок предоставления результатов ОРД для целей уголовного судопроизводства, не регламентирует порядок предоставления результатов ОРД для целей антикоррупционной проверки.

Отчасти ограничения розыскных действий органов дознания компенсируются инициативными действиями прокурорских работников. Например, использование специализированных информационных ресурсов и информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ИС МЭВ) соотносится с процедурой «наведение справок», результатом которой является выявление несоответствий в антикоррупционном поведении государственного служащего.

При таких обстоятельствах сосуществование надзорной формы и розыскного содержания порождает системную проблему – «процессуальный вакуум». Деятельность протекает вне отраслевых процессуальных кодексов, что приводит как дефициту гарантий для проверяемого лица, так и коллизиям задеирования иных процессуальных институтов, а именно:

1. «Отсутствие четкого процессуального статуса». Лицо не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, ни свидетелем по УПК РФ, оставаясь в неопределенном положении «проверяемого», что лишает его права на защитника с момента начала проверки.

2. «Ограничение права на защиту от самоизобличения». Хотя формально ст. 51 Конституции РФ действует, отказ от дачи пояснений в рамках проверки де-факто рассматривается как косвенное свидетельство вины и ухудшает положение лица.

3. «Обход конституционного фильтра судебного санкционирования». Внесудебный доступ к банковской тайне подменяет независимый судебный контроль внутриведомственным решением прокурора, что ставит под сомнение соразмерность ограничения прав.

4. «Слияние функций». Прокурор в одном лице совмещает функции лица, выявляющего нарушение, оценивающего его и иницирующего принуждение (иск, направление материалов в Следственный комитет Российской Федерации), что противоречит базовому принципу разделения обвинительной и судебной власти.

В заключение следует отметить, что антикоррупционная проверка прокуратуры представляет собой специфическую правовую аномалию, сложившуюся в ответ на запрос о быстрой и эффективной нейтрализации коррупционных рисков. Это гибридный институт, где законодатель делегировал органу надзора несвойственные ему розыскные и квазиследственные полномочия для проактивного управления рисками.

При таких обстоятельствах надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции следует выделить в новую отрасль. На это указывает отдельный предмет проверки, а также использование специальных методов надзора, не свойственных в полном объеме для надзора за исполнением федерального законодательства.

Перспективы развития данного института лежат в плоскости разрешения фундаментальной дилеммы:

1. Путь формализации: закрепление в законе базовых процессуальных гарантий для проверяемого (право на адвоката с определенного этапа, судебный порядок санкционирования доступа к особо охраняемым конституционным правам), что повысит легитимность проверки, но может снизить ее оперативность.

2. Путь консервации: сохранение существующей модели как эффективного, но находящегося в «серой зоне» инструмента, что чревато рисками произвола и эрозии доверия к правовым институтам.

Выбор между эффективностью, основанной на широких дискреционных полномочиях, и правовыми гарантиями, обеспечивающими справедливость процедуры, определяет будущее антикоррупционной проверки как ключевого элемента в системе публично-правового контроля.

Список использованной литературы:

1. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционных проверок в субъектах Российской Федерации: препринт. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета; 2022.
2. Бывальцева С.Г. Основание прокурорской проверки в контексте законности ее проведения. *Право и государство: теория и практика*. 2025;(4):191–193.
3. Гарева Э.Р., Хасанов И.Г. Проблемы и перспективы

References:

1. Bikeev I.I., Kabanov P.A. Legal regulation of the organization and conduct of anti-corruption inspections in the subjects of the Russian Federation: preprint. Kazan: Publishing house "Cognition" of Kazan Innovation University; 2022.
2. Byvaltseva S.G. The basis of the prosecutor's inspection in the context of the legality of its conduct. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2025;(4):191–193.
3. Gareeva E.R., Khasanov I.G. Problems and prospects of

развития прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в публичных органах власти. *Право и государство: теория и практика*. 2023;(4(220));293–295.

4. Ильяков А.Д. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции. *Законность*. 2021;(3):33–36.

5. Коршунова О.Н., Головки И.И. Предмет деятельности прокурора – новая категория или необходимость. *Вестник Томского государственного университета*. 2017;(423):207–218.

6. Митин А.Н., Рассохин А.В., Соболев О.В. О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции. *Российское право: образование, практика, наука*. 2024;(2):70–77.

7. Мурашкин И.Ю. Надзор за исполнением законодательства о представлении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. *Законность*. 2025;(7):17–22.

8. Смирнов А.Ф. К вопросу о методике и тактике прокурорской проверки. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2019;(8(60)):26–39.

9. Фомина Т.Ф. Полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. *Право и государство: теория и практика*. 2025;(2):259–260. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_259.

10. Шахкелдов Ф.Г. Антикоррупционные иски и уголовная ответственность. *Право и практика*. 2025;(3):82–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярмухамедов Ринат Фаридович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

development of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on combating corruption in public authorities. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2023;(4(220));293–295.

4. Ilyakov A.D. Improving the prosecutor's supervision of the implementation of anti-corruption laws. *Zakonnost' = Legality*. 2021;(3):33–36.

5. Korshunova O.N., Golovko I.I. The subject of the prosecutor's activity is a new category or necessity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2017;(423):207–218.

6. Mitin A.N., Rassokhin A.V., Sobolev O.V. On the legal mechanism for the exercise of powers by the prosecutor's office in the field of anti-corruption. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2024;(2):70–77.

7. Murashkin I.Y. Supervision of the implementation of legislation on the provision of information on income, property and property-related obligations. *Zakonnost' = Legality*. 2025;(7):17–22.

8. Smirnov A.F. On the methodology and tactics of the prosecutor's inspection. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2019;(8(60)):26–39.

9. Fomina T.F. The powers of the prosecutor in the framework of prosecutorial supervision of the implementation of legislation on combating corruption. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2025;(2):259–260. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_259.

10. Shakhkeldov F.G. Anti-corruption lawsuits and criminal liability. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2025;(3):82–89.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rinat F. Yarmukhamedov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, FGBOU VO "Kuban State University"